

Animals and Humans: Interactions in Nineteenth-Century Russian Culture

Anastasiya A. Lokteva

Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. Email: [zveruschka\[at\]yandex.ru](mailto:zveruschka[at]yandex.ru)

Received: 29 August 2022 | Revised: 25 October 2022 | Accepted: 20 November 2022

Abstract

In recent years, Animal Studies experts have concluded that unique personalities and subjectivity exist in all species, not only in humans. Throughout the “long 19th century”, the attitude of man to the animal was the attitude of the obviously higher being – the “king of nature” – to the lower. This model has developed in the highest Russian society due to fashion for everything European, primarily English.

In addition to those animals whose bodies were consumed for food, the main role belonged to horses, without the use of whose energy it was impossible to travel.

In addition to expensive horses, the wealthy kept monkeys, peacocks, deer, bears and even wolves. The ownership of these economically “useless” creatures helped confirm the social status of the owner.

The bond of people with animals in the status of a pet, which could become a family member, was especially close and mutual.

The culture of relations with animals was different for men, women and children.

Keywords

Anthrozoology; Animal Studies; Environmental History; Everyday Life; Animals; Pets

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Животные и человек: особенности взаимодействия в российской культуре XIX в.

Локтева Анастасия Андреевна

Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.

Email: zveruschka[at]yandex.ru

Рукопись получена: 29 августа 2022 | Пересмотрена: 25 октября 2022 | Принята: 20 ноября 2022

Аннотация

В последние годы специалисты по Animal Studies пришли к выводу, что неповторимые личности и субъектность существуют у всех видов животных, не только у человека. На протяжении же «длинного XIX в.», отношение человека к животному было отношением заведомо высшего существа – «царя природы» – к низшему. Эта модель сложилась в высшем российском обществе на фоне моды на все европейское, в первую очередь, английское.

Помимо тех животных, тела которых употреблялись в пищу, главную роль играли лошади, без использования энергии которых было невозможным передвижение в пространстве. Представители обеспеченных слоев держали кроме дорогих лошадей в доме обезьян, павлинов, оленей, медведей и даже волков. Владение этими экономически «бесполезными» существами помогало подтверждать социальный статус владельца. Особенно близким и взаимным было взаимодействие людей с животными, находящимися в статусе домашнего питомца, который мог становиться полноценным членом семьи.

Культура отношений с животными была различной для мужчин, женщин и детей.

Ключевые слова

зооантропология; экологическая история; история повседневности; животные; домашние питомцы

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Со времен появления человеческой цивилизации для человека было важным отделить себя от животного, осознать свою особенность. Появляющаяся с конца XX в. в некоторых западных работах мысль о том, что человек является просто еще одним видом животного – Other Animal – вызывает бурю возмущения, и это сейчас, когда понятие прав животных сформировано и укоренено в общественном сознании. И в XXI веке мысль о том, что животные могут творить историю, ну, или хотя бы являться ее субъектами, кажется большинству весьма странной и нелепой.

Если же говорить о том, как человек относился к животному на протяжении «длинного XIX в.», то сразу же становится очевидно, что это было отношение заведомо высшего существа – «царя природы» – к низшему. В реалиях Российской Империи это еще усугублялось относительно поздней (по сравнению с Западной Европой) отменой крепостного права (система использования рабского труда сохранялась в этот период только в Соединенных Штатах Америки и Россия была последним государством Европы, где она была отменена) (Пикеринг Антонова, 2019).

В то же время, крайне важным представляется отметить, что в начале обозреваемого периода в обеспеченных слоях российского общества практики взаимодействия человека и животных нередко перенимали, вместе с другими культурными практиками, в первую очередь, из Англии. Модели отношения с дикими, рабочими и нерабочими домашними животными складывались, в том числе под влиянием моды на все английское или французское, в том числе, лошадей или собак. Но трансфер западных идей происходил значительно медленнее трансфера в российскую культуру западных мод, поэтому в Российской империи нач. XIX – конца XX вв. сложилась своя зооантропная культура, то есть, культура взаимодействия человека и животного (Гийо, 2017).

Развитие понятий о животных как о субъектах или хотя бы акторах общественной жизни является логическим следствием, а потому частично напоминает процесс становления прав меньшинств, борьбу женщин за свои права. На протяжении веков мужчины и женщины конструируют друг о друге мифы, устойчивые представления, а дальше, когда женщины получили право голоса, то есть в наше время, сейчас, уже можно услышать мнение обеих сторон. А с животными все гораздо сложнее, да, ряд авторов (Д. Харувэй, Э. Баратай, Дж. Берджер) заявили о том, что у животных есть не только права, но и голос. Они полагают, что подошли достаточно близко к ответу на вопрос о том, что животным нужно на самом деле, что они хотят сказать. Но проблема в том, что у животных нет этого голоса, у них нет языка, который был бы понятен человеку. Как ни стараются люди, никакого «переводчика с кошачьего» не существует. Это эпистемологически невозможно. А обычные люди,

не обращая ни малейшего внимания на эти попытки философов и антропологов, продолжают жить, лелея свои мифические представления.

Для простоты общения с животными, которых мы, ничтоже сумняшеся, называем «братьями нашими меньшими», мы переносим на них усвоенные нами с детства шаблоны, антропоморфизируем их. Человек с легкостью закрывает для себя вопрос о том, есть ли в интеллекте мартышки что-то такое, чего нет у нас? В отличие от образа женщины, идеал которой существовал все-таки в культурной традиции, о как-либо задокументированном идеале образа домашнего животного говорить сложно. Скорее, речь идет о культурных клише – верность собаки, самостоятельность кошки, выносливость лошади.

Человеческие и не человеческие животные в истории: проблема субъекта

В последние годы специалисты по Animal Studies все чаще фокусируются на исследовании animal personality, отмечая, что неповторимые личности существуют у всех видов животных (Заксер, 2020, с. 182). Без учета их индивидуальности их эффективное изучение невозможно. Если же говорить об исторической зооантропологии, то культурный базис человека очень сильно влияет на то, как он относится к животным, что он о них думает и чувствует, поэтому крайне важно учитывать не только то отношение к животным, которое было принято в период возникновения источника в науке, но и общее культурное отношение социальной группы его автора к животным.

Отношение к животным в том или ином обществе на той или иной стадии его развития отображает в любом случае результат взаимодействия с ними на протяжении всей истории, а не является продуктом момента. Взаимодействия, которое в своем корне опирается на идею доминирования человека над животным (Fudge, 2014). Существующий формат нашего сожительства с животными не является результатом естественных причин, мы его создали, а не природа и не сами животные. В естественном, природном виде, наше сосуществование с другими животными выглядело бы совершенно иначе. Для многих хищников незадачливый двуногий окажется не более, чем «еще одним сортом мяса» (Isenberg, 2014, р. 56), источником энергии, получаемой из пищи. В тот момент, когда крокодил преследует туриста, актерами становятся оба участника погони. Влияет на историю человека даже и не хищное животное, например, множество видов паразитов и бактерий, появившихся в нашей экологической нише в процессе одомашнивания животных.

В этом смысле российская культура XIX в. опиралась на общехристианские понятия, идущие из Ветхого Завета: при сотворении мира Адам дал имя каждому животному, так как само оно, значит, не было в состоянии это сделать (или не испытывало такой потребности). Появление теории эволюции пошатнуло эту картину мира, бросив человека в бездну массы животных, указав его место в качестве одного из них – просто самого удачливого в этой цепочке.

В итоге из соединения этих двух идей возник современный подход, когда человек спокойно ест животных и носит части их тел, но при этом сам бы не смог быть, например, вивисектором. Примерно такая же картина наблюдалась среди образованных слоев общества России и Европы и до 1917 г.

Для исследования по экологической истории важно, чтобы животное являлось не вторичным объектом (что обычно случается в «классической истории»), а одним из субъектов (или членом полисубъекта) исследования (Никольская, 2012, с. 4). Такое распределение ролей вносит свои коррективы в привычную последовательность типов источников, на первый план выходят эго-документы.

Развитие городов и промышленности удалило животных из поля зрения людей, при этом требуя все больше их тел. В 1850 г. примерно 52,4% энергии в Англии производилось животными (Fagan, 2015, p. 245). Животные стали цифрами статистики, исчезли из поля зрения (Fagan, 2015, p. 216). Уйдя из реальности, они стали занимать огромное, ранее невиданное место в культуре, раньше не было такого, чтобы почти все игрушки и другие товары для детей были в виде животных. Животные становятся визуальным шумом, персонажами мультимедиа, картинок, календарей. Человек хочет их видеть. Причем видеть в доселе невиданном масштабе, таком, в каком никогда не мог бы увидеть в дикой природе (Berger, 1991).

Если говорить об общероссийской модели взаимоотношения человека и природы, то, например, Д. Вайнер (D. Weiner) называет ее хищническим собиранием дани – predatory tribute-taking state (McNeill & Roe, 2013, p.283), относя Россию к другим «государствам Азии», практикующим такие же пользовательские отношения. В таком государстве природа и люди воспринимаются как набор ресурсов, которые надо добыть. Несмотря на некоторые попытки восстановления лесов, в целом в результате деятельности правительства страдала и флора, и фауна: вымерли туры, европейский бизон, тарпан, из степей исчезли бобры и лоси, отброшена до границ современной Молдавии антилопа сайга. Все подходящая для сельхозобработки территория степи была использована к 1881 г. После отмены крепостного права помещики так активно продавали леса на вырубку, что общая их площадь относительно территории Российской империи сократилась с 52,7% в 1696 г. до 35,16 в 1914 г. В Тверской области, например, с 75,8 до 22,6% за указанный период (McNeill & Roe, 2013, p. 288).

Вплоть до падения монархии крестьяне сохраняли существующую издревле связь с землей, их паттерны взаимодействия с объектами природы не менялись, несмотря на попытки просвещения со стороны ее защитников. Крестьянин любит свою корову, но также любит и ее мясо или доход, полученный от ее продажи. Антрополог Б. Фэйган ставит в этом утверждении предлог, не «but», а «and» (Fagan, 2015, p. 86), называя подобное взаимодействие естественным и нормальным.

В Европе в течение XIX в. произошла трансформация рабочего домашнего животного или скота в домашнего питомца. К примеру, очень важная для экономики свинья и в нашем обществе считается грязным и неприятным животным, а куда менее полезные собаки или кошки чуть ли не становятся членами семьи (Serpell, 1996). Эта идея может возникнуть только на базе уверенности в том, что животное принадлежит человеку, что оно ниже его. До сих пор, если назвать человека животным, он скорее всего сочтет это оскорбление и свидетельством неразвитости его натуры. Человек – венец творения, он поставлен Богом, чтоб пользоваться природой и животными, как ее частью.

Как уже отмечалось, особенность британского имперского отношения к миру заключалась в том, что будучи на начало XX века самой большой в мире империей, Англия ощущала свое превосходство не только над миром животных, но и над большинством других людей (Ayres, 2019, p. 2). Этому процессу очень способствовали успехи имперских биологов, которые в своих экспедициях находили множество видов новых животных, давали им имена, вводили их в научный оборот. Подобные процессы происходили и в Российской империи. Богачи относились к domestikации и приручению экзотических животных как к благу для них же, чувствовали себя их спасителями: по идеальным английским газонам гуляли зебры, Дж. Байрон держал в поместье жирафов. Иметь дома какое-то необычное животное было весьма модным. Например, Ф. Юсупов, путешествуя со своей крестной вел. кн. Елизаветой Федоровной по русскому Северу, купил в Архангельске живого белого медведя, чтобы поселить его в своем санкт-петербургском дворце на Мойке. В Царском Селе в зверинце жили слоны, на страницах журнала «Столица и усадьба» можно обнаружить фотографии представителей общества не только с любимыми собаками и кошками, но и с медвежатами, козами, обезьянами и даже детенышем леопарда или рыси, подписанным котом «Яшкой».

Большая часть городского населения не имела собственных животных, а если имела, то животное было либо источником энергии (орудием труда), либо ресурсом (например, пищи). Но среди праздного класса, в полном соответствии с теорией праздного класса Т. Веблена, возникает институт домашнего питомца. Некоторые домашние и одомашненные дикие животные становятся живыми предметами роскоши, цена которых во много раз превышает их экономическую стоимость. Среди этих животных можно выделить два подтипа: домашний любимец, имеющий психоэмоциональную связь со своим хозяином и зачастую являющийся членом семьи, и живой предмет роскоши, демонстрирующий богатство и вкус владельца (Веблен, 2016). Такие животные со временем приобретают дополнительный вес в глазах окружающих, проводя дни в просторном манеже холеная лошадь, гончая собака, которая участвует в охоте только в дни приезда в поместье хозяина, будет восприниматься обывателями как более красивая особь. Причем, понимать в статях

такого животного могут только люди определенного круга – представители того самого праздного класса.

Современные Animal Studies исследуют отношения человека и других животных не как взаимодействие субъекта-человека и объекта-животного, а как двух равноправных акторов. Но при изучении взаимодействия человека и животного в прошлом возникает объективное препятствие для такого подхода – животные не имеют исторических источников. Поэтому перед историком стоит задача отследить не только информацию о нечеловеческих животных в источниковой массе, но и тщательно ее обработать, отметив все моменты возможной антропоморфизации животных человеком, то есть присваивания животному мотивации поступков, свойственной Homo Sapiens. Основным маркером антропоморфизации современная психология считает наделение нечеловеческих существ вторичными эмоциями, свойственными только человеку: ревностью, обидой, завистью (Мешкова & Федорович, 2007).

Социальные группы и их отношения с животными: мужчины

В дореволюционном образованном городском обществе существовало ярко выраженное гендерное разделение ролей. Сферы мужских и женских занятий были разграничены. Также в отдельную категорию необходимо выделить детей, которые были изолированы от общества вплоть до юношеского возраста, вступая во взрослую жизнь – «прямо из детской» (Безрогов, 2012, с. 9). У каждой из указанных социальных групп складывались свои собственные отношения с животными, с которыми они взаимодействовали постоянно.

Мужчины больше склонялись к спорту, то есть, к разведению животных, которыми можно было щегольнуть в обществе. Самыми доступными были птицы, певчие или, например, почтовые голуби. На рубеже XVIII – XIX вв. разведением почтовых голубей увлекался граф А.Г. Орлов-Чесменский (Коптев, 1887, с. 73). Птиц выпускали в нескольких десятках верст от города и следили, как скоро они прилетят домой. Для учета голубей имелись Studbook, как в Англии. «Орловская» линия голубей была популярна у московских купцов и полвека спустя.

Владение разнообразными ценными животными считалось приличным для джентльмена: «Главным пристрастием его были лошади: на конюшне всегда стояло несколько хороших лошадей, а кабинет заполняли конские скульптуры и картины Сверчкова. Кроме лошадей, дедушка любил растения, птиц и рыб. Где бы он ни жил – в Нижнем, в Киеве или в Москве, – его квартира напоминала зимний сад, причем он сам ухаживал за своими цветами и пальмами. Между кадками с тропическими растениями стояли аквариумы с золотыми и серебряными рыбками, а в столовой заливались десятки канареек и других экзотических птичек» (Каменская, 1991, с. 14).

В начале 1800-х гг. «Пашков, великий охотник до разных редких птиц, получил недавно из Англии пару черных лебедей, которые в самой Англии считаются еще редкостью; они привезены чуть ли не из Австралии» (Жихарев, 1955, с. 211), – пишет светский юноша С. Жихарев, планируя специально съездить в знаменитый дворец на Моховой улице в Москве, чтобы полюбоваться ими.

Главной же ценностью для обеспеченного горожанина были лошади. XIX в. это время огромной популярности скачек и бегов, ставок, журналов, коневодства. Даже журнал о конном спорте назывался просто – «Русский спорт». Популярным был также регулярно издаваемый «Альбом владельцев частных конных заводов с портретами жеребцов и кобыл лучших русских конных заводов» (Сверчков Н. Е. Портрет на фоне лошади., 2017, с. 111), курсы анатомии лошадей и пр.

Персональной привязанности к лошадям у людей почти никогда не было, они воспринимались примерно так, как коллекционер воспринимает сегодня автомобили – чем мощнее и дороже, тем лучше. Особенно ценились привозные, чаще всего из Англии: «При выходе из театра встретил генерала Петра Семеновича Муравьева, приехавшего из деревни нарочно для скачек, которые начнутся с 6 мая. Он привел трех скакунов для состязания с лошадьми графа Орлова и говорит, что надеется обскакать их. Немудрено: в прошлом году выиграл жеребец его Травлер; правда, что он был выписной, а лошади графа Орлова и других охотников – доморощенные» (Жихарев, 1955, с. 208).

Отношение к животному как к механизму распространялось и на специалистов коннозаводческой отрасли: «Редкая лошадь, которая проедет мимо вас, не покажет вам, что она есть результат занятия положительного, что при производстве ее имели в виду, чтобы она могла служить, возить, чтобы были у нее плотные, правильные ноги и широкое копыто» (Коптев, 1887, с. 745).

Самые знаменитые русские лошади – орловской породы – были созданы для работы в городе; они происходят от арабского жеребца Сметанки, а, чтобы они лучше подходили для «европейской жизни» и «для возки тяжелых и обширных экипажей», добавили «суровую мускулатуру» голландской кобылы и «широкое строение костей датской лошади». Больше всего тяжелой работы доставалось местным российским породам, сложившимся в разных регионах империи: «твердые как гранит шведка и финка, железные и закаленные на морозе мезенка и сибирка, легкие и воздушные, как гуляющий в южной степи ветер, черноморка и кабардинка».. – живописал исследователь В. И. Коптев (Коптев, 1887, с. 520). Но обычному горожанину не было дела до внешнего вида его средств передвижения. Вплоть до революции 1917 г. любое перемещение человека или грузов в пространстве немислимо без лошадей. В 1904 г. из 40 млн лошадей, обитавших на земном шаре в целом, в Российской проживали 21 млн особей, и была крупнейшая популяция в мире (Ветеринарный фельдшер, 1904, с. 42). Очень важно подчеркнуть, что лошадь проводила в городе только ту часть своей жизни, когда она могла эффективно

работать, их растили в южной части России в степях, а после нескольких лет работы (для извозчичьей лошади это было примерно лет пять), животное, скорее всего, ждала бойня. Собственные лошади в начале XIX столетия для человека считались необходимостью: «Отец посылает чмерлушек на два тулупа для обоих нас с Петром Ивановичем и ему особенно пару лошадей. Эти пегасы также очень ко времени, потому что уроки Петра Ивановича умножаются; одной моей пары становилось для обоих нас недостаточно; теперь, когда я перешел Рубикон, некоторые лишние выезды не могут быть для меня предосудительны» (Жихарев, 1955, с. 13), – пишет в дневник юный студент Московского университета в 1805 г. С отменой крепостного права и обеднением дворянства собственных запряжек становилось все меньше.

Особые отношения иногда могли устанавливаться со своими лошадьми у кавалерийских офицеров, понимавших важность контакта с животным для более эффективной военной службы. «Когда батальоны построились, я сел на своего Голубка, в этот день ему минуло 7 лет, по случаю чего я нежно поцеловал его в морду», – вспоминает вел. кн. Константин Константинович (Романов, 1998, с. 211).

Так, технически, относились не только к животным, которые были необходимы в качестве транспорта. Охотничьи собаки воспринимались в таком же ключе: «Помещик Кологривов, родственник полицеймейстера Ивашкина, приехавший по делам в Москву, привез борзую собаку такой неслыханной резвости, что у всех охотников только и разговоров, что об этом феномене. Говорят, что Л. Д. Измайлов предлагал за нее две тысячи рублей, но Кологривов отклонил предложение, сказав, что, будучи сам охотником, он не отдаст ее ни за какие деньги; отказ его изумил многих и еще более возвысил достоинство» (Жихарев, 1955, с. 252). Другие же собаки, которых держали исключительно ради престижа, не воспринимались как личности: «Имея прекрасного сенбернара, Петр Иванович хвастался, что ударами плетки может заставить его съесть лимон» (Водовозова, 2018, с. 31). Совершенно нормальным развлечением для городского среднего класса и несколько низким для дворян были бои животных и травля. Многие видели в этих увеселениях нечто исконно русское, традиционное, и искренне наслаждались ими. Студент С. П. Жихарев в 1805 г. назвал увиденный им петушиный бой «сущою жестокостью, не менее отвратительною, как и медвежья травля» (Жихарев, 1955, с. 54), но и через 40 лет журнал Коннозаводства помещал в своих выпусках рассказ, например, о «междоусобном бое медведей князя Виктора Васильчикова»¹. «Московские ведомости» печатали даже портреты наиболее успешных бойцов-медведей: Ахана, Великана и Давилы (Коптев, 1887, с. 941).

Держать медвежат в качестве домашних питомцев было совершенно обычным делом вплоть до падения монархии. Срок службы такой живой игрушки ограничивался несколькими месяцами ее детства: «Не помню, кто-то

¹ Библиографический указатель к «Журналу коннозаводства» за 1842–1891 гг. Предисловие. С. 2.

подарил папеньке презабавного маленького медведя, который, бегая по нашей квартире, потешал всю семью нашу. И мало того, что забавлял нашу семью, он скоро сделался любимцем самого президента Академии А. Н. Оленина, который перед выставкой часто заходил поговорить с отцом моим о делах. Приедет, бывало, Алексей Николаевич, войдет к папеньке в кабинет и вместо того, чтобы совещаться с ним о чем-нибудь нужном, по целым часам, тихо хихикая, любителю на маленького Мишку», – вспоминает дочь художника М.Ф.Каменская. Когда вел. кн. Михаил Александрович командовал полком в Орле, офицеры подарили ему ручного медведя: «Это был сильный и очень забавный зверь, и Михаил Александрович любил с ним пробовать свою силу и бесстрашно боролся» (Мордвинов, 2014, с. 469). Надо полагать, что когти и клыки животного в таком случае удалялись в самом раннем возрасте. Очевидно, что, учитывая огромную силу этого животного, для дрессировки использовались жестокие методы, сходные с теми, которые применяли поводыри изуродованных медведей-комедиантов, в изобилии бродивших с кольцом, продетым через нос, по всей Российской империи.

Была категория животных, которая проникла в кабинет и иногда даже и сердце мужчин, не ухудшив своих условий существования. С сокращением масштабов охоты российские собаки проявили удивительную, но вместе с тем свойственную этому биологическому виду способность – они подстроились под человека, сохранив и даже преумножив себя в его экологической нише, став собакой-компаньоном. Вот как описывает уже переехавший в Санкт-Петербург на службу бывший студент С.Жихарев свою встречу с Г.Державиным: «В беличьем тулупе, покрытом синею шелковою материею, сидел в креслах за письменным столом, стоявшем посредине кабинета, углубясь в чтение какой-то книги. Из-за пазухи у него торчала головка белой собачки, до такой степени погруженной в дремоту, что она и не заметила моего прихода» (Жихарев, 1955, с. 277).

Про своего любимца этот же автор говорил, что тот умер от старости: «бедный Трезор мой, охранявший меня почти от самой колыбели и бывший моим спутником и стражем во всех переселениях, которым подвергалось мое юношество. Теперь некому будет подать мне так часто забываемый платок, ни отыскать затерянную вещь и неожиданно принести ее мне на колени, трясая мохнатую своею головою, шевеля кудлатым хвостом и посматривая на меня такими умильными глазами. Нет, воля твоя, а долго, долго не забыть мне этих ежеминутных доказательств привязанности и самоотвержения» (Жихарев, 1955, с. 65). Таким образом, видно, что для юноши его пес также был очень важен, был членом его семьи, у них существовала психоэмоциональная связь. Мало того, характер их долгих отношений повлиял на его восприятие домашних питомцев других людей, так как он ожидал, что собачка Г.Державина также будет охранять своего человека, а не мирно спать у того за пазухой.

Чиновник А. Булгаков писал в 1815 г. брату, что он назвал свою собачку Бибишкой, и она от него ни на шаг не отходит (Булгаков & Булгаков, 2010, с. 14).

Уменьшительно-ласкательное имя сразу указывает нам не только на размеры животного, но и на нежное отношение к ней московского почт-директора. Н.Ф. Шаляпина вспоминая любимого бульдога Ф.И.Шаляпина, пишет, как один раз в Большом театре в Москве, в антракте «Бориса Годунова», тот «начал забавляться с собакой, дразнить ее». «В конце концов Булька залаял. – Федор Иванович, что вы делаете? Во-первых, лай Бульки слышен на весь театр, во-вторых, пора одеваться к третьему акту» (Федор Иванович Шаляпин, 1957, с. 637). Адъютант вел. кн. Михаила Александровича в своих мемуарах предполагает, что графиня Брасова смогла завлечь младшего брата императора в свои сети, в том числе, и благодаря интересу к собакам, которые были у того в детстве. «Михаил Александрович сводил ее на могилы своих любимых собак (его детство протекало главным образом в Гатчине), рассказал, что учится играть на балалайке, и незаметно для себя влюбился», – негодует над мезальянсом царедворец (Мордвинов, 2014, с. 252).

Социальные группы и их отношения с животными: женщины

Средняя продолжительность жизни в России в 1896–1897 годах составляла 29,43 года у мужчин и 31,69 лет у женщин (Мохов, 2018, с. 195). Если женщина выходила замуж, большая часть ее жизни была посвящена ожиданию ребенка и заботой о новорожденном. Девочки из дворянских и богатых мещанских семей взаимодействовали с природой меньше, чем мальчики, их редко учили верховой езде, не брали на охоту, а домашней скотиной женщине из этих слоев общества интересоваться считалось неприличным, для этого была прислуга.

Традиционное российское женского образование XIX в. только подкрепляло это отдаление от природы: «Те, у кого в детстве была развита любовь к природе, здесь совершенно утрачивали ее. Весьма естественно, что, окончив курс в институте, мы были вполне равнодушны к красотам природы. С утра до вечера мы видели перед собой лишь голые стены громадных дортуаров, коридоров, классов, всюду выкрашенные в один и тот же цвет» (Водовозова, 2018, с. 213). «На моем окне стояла анатомическая гипсовая фигура для изучения мускулов; директриса института прислала нам сказать, чтобы мы убрали с окошка эту фигуру: молодым девушкам не подобает видеть такие вещи» (Сабашникова, 1993, с. 109), – вспоминает другая институтка.

И мужчина-капиталист создает таким же образом экономику, воспринимая природу механистически, как набор элементов. В XIX в. женщина как бы теряет этот доступ к земле, к производству, но она фокусируется на воспитании детей, на формировании их мировоззрения, так что, на самом деле, имеет власть, просто другого рода, не такую очевидную (Global Environmental History. A introductory reader, 2013, p. 82–87). Большинство связанных с внешним миром вещей (а к ним будут относиться и животные) ей не особенно интересны, животные являются просто живыми игрушками, особенно, если

это охотничьи трофеи мальчиков, которым положено охотиться: «Вернулись наши охотники веселые и довольные, привезли шесть зайцев, которых нанизали на палку и торжественно нам принесли» (Толстая, 2017, с. 38).

Викторианская мораль, перенятая высшими слоями общества у англичан вместе с другими модами, влияла и на понятие приличия, поощряла отделение человека от других животных. «Я вглядывалась в выражение глаз коров и убедилась, что они только природа, без души» (Толстая, 2017, с. 318), – пишет в дневнике С. А. Толстая в момент уже очень сильной душевной нестабильности, когда ее отношения с мужем совсем разладились. Увлечение бездетных московских супругов Оболяниновых своими собаками резко критиковали их родственники, так как «разговор был только про собак», у тех была своя горничная, по ночам они спали в кровати хозяев под одеялом и весь дом был наполнен собачьими запахами. К тому же, любимица хозяйки дома Анны Александровны Милка «была предурная собачонка, вроде дворняжки, и вдобавок презлая, того и гляди, что схватит за ногу». С негодованием Е. П. Янькова констатирует: «Словом сказать, у Оболяниновых в доме хозяева были не они сами, а их собаки» (Благово, 2014, сс. 175-186). Оглядывая публику в саду в Дрездене, супруга Ф. М. Достоевского Анна подумала об одной даме: «Она, должно быть, пустая женщина. Лицо ее только и оживляется, когда она обращается к собачке, которая тут же была с нею, гладит и ласкает ее, с большею любовью, чем к мужу, и муж, чтобы подласкаться, гладит собачку. Не люблю я, когда женщина уж слишком любит животных, даже больше людей, – нехорошее это сердце» (Достоевская, 1993, с. 198).

Большинство женщин, у которых не было своих личных собак – домашних питомцев, не понимали собак так же, как они в целом не понимали природу. Т. А. Кузьминская описывает, как однажды любимая собака Л. Н. Толстого Дора оценилась у нее на кровати, когда женщина гостила в Ясной Поляне. Младшая сестра Софьи Андреевны очевидно антропоморфизирует собаку, не понимая, что та не может испытывать вины за такое проявление своей природы: «Вернувшись домой, я вижу... о, ужас! Бедная Дора лежит на моей постели и на моем платье с четырьмя щенками и виноватыми и страдальческими глазами глядит на меня, слабо виляя хвостом, как бы прося прощения» (Кузьминская). Несмотря на то, что в семье Л.Н. Толстого всегда жили собаки-компаньоны (с ними писатель ходил на прогулки после того, как из идеологических соображений отказался от охоты) наличие привязанности человека и охотничьих собак из своры считалось блажью. В мемуарах детей и супруги писателя не раз упоминается доживавшая в Ясной Поляне на покое горничная Агафья Михайловна, которая обожала гончих, брала выхаживать щенят и больных к себе в избушку. Простая крестьянка даже молилась за собак. Т. А. Кузьминская рассказала Агафье Михайловне, что ее брат сдает экзамен по юриспруденции, старушка тут же зажгла свечу перед иконой Николая Угодника. В этот момент доезжачий сообщил, что Карай и Побеждай как с утра убежали в лес, так и не возвращались. Отправив парня на розыски, Агафья Михайловна «встала, подо-

двинула стул к образу, влезла на стул, потушила восковую свечу, подождала немного и опять зажгла ее. «Агафья Михайловна, что это вы делаете, голу-бушка? – спросила я ее. – Зачем вы потушили и зажгли свечку?» – «А это, матушка, она за Степана Андреевича горела, а таперича пускай за собак горит, чтобы нашлись скорее» (Кузминская).

Однако существует в XIX в. также уже и немало кейсов нежного отношения женщин к собакам, восприятия их в качестве значимых субъектов. Юная художница М. Башкирцева писала: «Соответственно моей Теории перенесения любви, вся сумма ее, которой я обладаю, сосредоточена теперь на Викторе – одной из моих собак. Я завтракаю, а он напротив меня положил на стол свою славную большую морду. Будем любить собак, одних только собак! Люди и кошки недостойны нашей любви!» (Башкирцева, 2005, с. 70). Княжна И.Д. Голицына вспоминала свои детские прогулки с немецкой овчаркой Джеком и доберманом-пинчером Леди как очень счастливое время: «сияющее ярко солнце, тишина, наше уединение втроем, рябь на воде и чудный воздух» (Голицына, 2005, с. 101). Очевидно, для девушки-подростка общество собак было приятным и необходимым.

У мецената М. Тенишевой был любимый «грифончик» Гри-Гри, скульптуру которого А. Бенуа уговорил ее заказать у некоего нуждающегося, но талантливое мастера. Собаку стали возить на сеансы позирования. «По окончанию работы Бенуа сам, к счастью, а не Обер, привез мне гипсовую статуэтку, которую художник предлагал вылить из бронзы. Каков же был мой ужас, когда я увидела вместо моей маленькой, тонкой, изящной собачки какую-то карикатуру, какого-то неуклюжего, толстоногого зверя» (Тенишева, 2019, с. 145), – возмущалась княгиня. Она же, описывая своего бульдога Бульку, антропоморфизует животное до крайности: «Выражение его морды имело что-то человеческое», «Его считали за нечто совсем особенное, а иные просто думали, что это оборотень и в нем человеческая душа» (Тенишева, 2019, с. 270). После смерти сестры Веры Наталья Брасова (та самая, которая «окружила» вел. кн. Михаила Александровича и «женила» его на себе против воли Николая II), привезла из Москвы только ридикюль покойной и французского бульдога Бубуль (Majolier, 2018). Видимо, тут собака переходит по наследству, как раз как важное имущество. У самой графини с Михаилом Александровичем в доме постоянно жили по несколько фокстерьеров, которые везде сопровождали хозяев. Когда любимцы умирали, оба супруга очень эмоционально переживали потерю, собак хоронили под мраморными надгробиями в саду их дома в Гатчине.

Из-за того, что города были переполнены грызунами не меньше, чем деревни, кошки были в каждом доме. Они воспринимались как расходный материал, являлись живым приложением к дому. В усадьбе Б. М. Кустодиева «Терем» был кот Рыжик (Капланова, 1979, р. 130), который жил со сторожем Павлом Федосеевичем в его домике, но, когда приезжали хозяева, приходил к ним на чай. Кошка являлась как бы символом домашнего уюта. «Прие-

хали в пустой грязный дом; прошло дня три – все чисто. Вся хозяйственная машина пущена в ход: чистая скатерть, все едят, пьют, самовар на столе, и повар в белом колпаке. На кухне кот сидит» (Кузминская), – восхищалась хозяйственными способностями С.А. Толстой ее младшая сестра. Имена этим животным давали крайне редко или они были простые, русские. Например, кошек детей Николая II звали Котка и Зубровка. Чаще же даже переходившая в статус домашнего любимца кошка оставалась просто «кошкой».

Социальные группы и их отношения с животными: дети

Исследование источников личного происхождения, в которых человек описывает свое детство, почти всегда приводит к обнаружению в них значимых для автора животных. Такие источники отличаются достаточно высокой степенью достоверности в плане изучения зооантропной культуры, так как, обращаясь к «себе – ребенку», человек будет пытаться улучшить картинку, но также он и будет оставаться собой (Безрогов, 2019, с. 7). Именно воспоминания о детстве могут показать нам реальную степень присутствия животных в дискурсе той или иной социальной группы, тогда как история с точки зрения взрослого будет сфокусирована на многих других объектах.

Старший сын Л. Н. Толстого подробно описал верховых лошадей своего детства: «В ребенке пять чувств его играют первенствующую роль, и после зрения – обоняние, конечно, главное». Илья Львович уточняет внешние особенности животных, имена и все обстоятельства катания, столь значимые в юном возрасте: «Бежим на конюшню, там пахнет лошадьё и сеном. Кучер Филипп Родивонович уже седлает. Для меня белый с розовыми глазами «Колпик» уже подседлан потником, Сереже – маленький, горячий киргизенок «Шарик», для папа – огромная кровная английская кобыла «Фру-Фру» (Толстой, 1969, с. 43).

Эта привязанность возникла благодаря ряду причин. Одной из них была высокая детская смертность, делавшая ребенка не интересным для мира взрослых вплоть до достижения совершеннолетия: «Нас, детей, у мамы было десять человек, четверо умерли в младенчестве, а три сына и три дочери выросли» (Каменская, 1991, с. 677). По данным за 1908–1910 гг., количество умерших в возрасте до 5 лет составляло почти 3/5 общего числа умерших (Мохов, 2018, с. 195).

Родители из общества не занимались воспитанием своих детей: «большинство петербургских детей высшего общества обречено было жить присмотром бонн и гувернанток в узком кругу интересов Летнего сада, Таврического катка, прогулок по набережной Невы» (История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России, 2012, с. 15). Оказавшись в таких условиях, живой характер ребенка искал выхода для своей активности, дружбы и внимания других живых существ, находя их в разнообразных животных. А.Ф. Тютчева, воспитательница единственной дочери Александра II

Марии, так описывала свою подопечную: «До сих пор моя девочка испытывает живую симпатию только к животным, с ними она чувствует себя совершенно свободно; о них она всегда вспоминает, их касаются все ее проекты» (Тютчева, 2017, с. 424). Князь К.Н. Голицын уверяет, что в детстве его голова «отказывалась воспринимать что-либо, не имеющее отношение к речке, конюшням и верховой езде» (Голицын, 1997, с. 62). Старшая дочь Л.Н.Толстого пишет о своей дочери: «Собаки – это интерес Таниной жизни. И понятно, у нее нет детей-сверстников, чтобы играть с ними, и она отдает все свое свободное время собакам» (Сухотина-Толстая, 1987, с. 476).

Падчерица Вел. кн. Михаила Александровича называет исчезновение своей собаки Тома «трагедией», 10-летняя девочка была безутешна и «плакала днями напролет». Ее гувернантка подарила ей в утешение щенка померанского шпица, который хотя и был очень милый и выглядел в точности как «маленький медведь, ничто не могло заменить Тома в моем сердце». Шпица звали «старомодно» Fluff, и он чуть не утонул, упав в фонтан. Наталья построила мемориал в виде груды камней в память о Томе, куда она приносила цветы (Majolier, 2018).

Подобная привязанность была естественной, а не результатом педагогических усилий, как это было в Англии. Там существовала целая плеяда детских книг о животных, которые подвели теоретическую базу под то, почему детям нужны питомцы (Harvey, 2019, p. 50). Sara Jane Lippincott под псевдонимом Grace Greenwood издала в 1853 «The History of My Pets». Emma Davenport – популярный детский писатель того периода – держала у себя летучую мышь, ястреба и ежа. Она написала в том числе книгу с говорящим названием «Live Toys». В ней рассказываются «правдивые истории о различных животных, бывших во владении у мальчика и девочки» (Дэвенпорт использует термин «possession»). По порядку рассказаны анекдоты из жизни: белого кролика Моппи, двух птичек, попугая, дикого кролика, галки, ежа, ретривера, терьера, голубя, летучей мыши Dr. Battius (той самой, которая принадлежала автору), альпийской галки, котят, шетландского пони, немецкой собаки (Davenport, 1862).

Но самым главным пропагандистом идеи общности детей и животных и необходимости для детей содержать их был John George Wood, который осознавал неправильность содержания животных в неволе, но при этом не мог отказать себе в этом удовольствии. Будучи редактором “Boys Own Magazine”, он всячески пропагандировал идеальное детство мальчика: поймать и поселить у себя как можно больше диких животных, рассказывая, как строить для них подходящие клетки (Harvey, 2019, p. 55).

Русские дети находили своих четвероногих друзей интуитивно. Чиновник К. Булгаков в 1820 г. писал брату о забавном эпизоде со своим маленьким сыном: «Каподистрия зашел к нам со своей собачкой. Сашка ну трусить; я ему говорю, что это стыдно, бояться нечего, а надобно с нею играть. Он вдруг бежать к себе. Зачем? – «Я сейчас принесу игрушки» (Булгаков & Булгаков, 2010,

с. 366). В 1884 г. Л. Н. Толстой сообщал старшему сыну: «Илья Львович, здравствуйте. Собака препротивная, но так как твое счастье жизни сосредоточено в ней, то ее оставят. Свойства ее таковы: вальдшнепов она не чует, а выстрел чует, и как только услышит, то бежит домой стремглав» (Толстой, 1969, с. 208). В Париже, когда к ним пристал на улице продавец собак, юный Ф. Ф. Юсупов-младший упросил свою мать купить ему «маленький рыжий комочек с черной мордочкой» (Юсупов, 1993), Гюгюс провел неразлучно со своим юным господином 18 лет.

Дети нуждались в обществе животных, считая его высшей ценностью. Средняя дочь семейства гоф-медика, Т. А. Кузьминская (в девичестве Берс), вспоминала, как мечтала получить в подарок на 10 лет «черного пуделька, только живого» (Кузьминская). От богатой крестной девочки пришла ее компаньонка: «Татьяна Ивановна, – начала Дуняша, – больны, они велели вас поздравить и поцеловать и прислали вам «живой подарок», – улыбаясь продолжала Дуняша, – я сейчас приведу его». И Дуняша быстро ушла. «Приведу его, – думала я, – неужели черненького щеночка? Вот будет хорошо». Дверь отворилась, и Дуняша вошла в сопровождении девочки, одетой очень бедно, с косичками, перевязанными тряпочками вверху головы». «Вот, крестная прислала Вам в подарок эту девочку Федору, ей 14 лет, она пойдет вам в приданое, а пока будет служить вам» (Кузьминская). В этом эпизоде сквозит разочарование ребенка, она хотела собаку, а крепостная ей не очень-то нужна. Хотя мысль о том, что она «ее собственная» – то, чего нет у сестер, ей нравилась.

Выводы

Таким образом, на примере социально-общественных групп городского населения Российской империи XIX – нач. XX вв. можно оценить характер взаимоотношений людей и животных. В ходе модернизационных и урбанизационных процессов указанного периода, находясь, в силу социальных и культурных установок в некоторой изоляции, мужчины, женщины и дети питали живой интерес к разнообразным животным, взаимодействовали и устанавливали собственные отношения с нечеловеческими природными агентами, нередко имея с ними психоэмоциональную связь. Каждый горожанин постоянно сталкивался с огромным количеством рабочих домашних животных, труд которых был необходим для функционирования окружающей инфраструктуры, с ними, а также с дикими и экзотическими животными человек все равно, тем или иным образом взаимодействует. И если с этой категорией обычно это общение носило односторонний характер, то с экономически бесполезными животными (а также с некоторыми лошадьми) многие люди общались, относясь к ним как к субъектам.

Наиболее успешными в этом процессе оказались домашние собаки категории домашний питомец. Источники демонстрируют многочисленные

примеры установления ими психоэмоциональной связи со своими хозяевами и даже интеграцию таких животных в семью людей.

Список литературы

- Ayres, B. (Ed.). (2019). *Victorians and their animals. Beast on the leash*. Routledge.
<https://doi.org/10.4324/9780429429002>
- Berger, J. (1991). *About looking*. Vintage.
- Davenport, E. (1862). *Live toys; or, Anecdotes of our four-legged and other pets*. Griffith and Farran.
- Fagan, B. (2015). *The intimate bond: how animals shaped human history*. Bloomsbury Press.
- Fudge, E. (2014). *Animal*. London: Reaction Books.
- Harvey, J. C. (2019). *The animal's companion: people and their pets, a 26,000-year love story*. Black Dog and Leventhal.
- Isenberg, A. C. (Ed.). (2014). *The Oxford Handbook of Environmental History*. Oxford University Press.
<https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195324907.001.0001>
- Majolier, N. (2018). *Step-Daughter of Imperial Russia*. Kindle edition.
- McNeill, J. R., & Roe, A. (2013). *Global Environmental History: An Introductory Reader*. Routledge.
- Serpell, J. (Ред.). (1996). *In the Company of Animals: a Study of Human-Animal Relationship*. Cambridge University Press.
- Башкирцева, М. (2005). *Дневник. Захаров*.
- Безрогов, В. (2019). *Детство в европейских автобиографиях: От Античности до Нового времени. Антология. Алетейя*.
- Безрогов, В. Г. (ред.). (2012). *Сборник статей материалов Международной научной конференции 'История детства как предмет исследования: Наследие Ф. Арьеса в Европе и России'*. РГГУ.
- Булгаков А., & Булгаков К. (2010). *Братья Булгаковы: письма в 3 т.. Захаров*.
- Веблен, Т. (2016). *Теория праздного класса*. Книжный дом «ЛИБРИКОМ».
- Ветеринарный фельдшер. (1904). *Ветеринарный фельдшер*, 1.
- Водовозова, Е. (2018). *На заре жизни*. Благовест.
- Гийо, Д. (2017). *Люди и собаки*. Новое литературное обозрение.
- Голицын, К. (1997). *Записки князя Кирилла Николаевича Голицына*. Российское Дворянское Собрание.
- Голицына, И. (2005). *Воспоминания о России (1900–1932)*. Айрис-Пресс.
- Достоевская, А. Г. (1993). *Дневник 1867 года*. Наука.
- Жихарев, С. П. (1955). *Записки современника. Воспоминания старого театрала*. Изд-во Акад. Наук СССР.
- Заксер, Н. (2020). *Человек в животном*. Издательский Дом ВШЭ.
- Каменская, М. (1991). *Воспоминания*. Художественная литература.

- Капланова, С. (1979). *Новое о Кустодиеве: Пути творческих поисков: Воспоминания. Письма. Изобраз. искусство.*
- Коптев, В. (1887). *Материалы для истории русского коннозаводства.* Типо-лит. В.В. Чичерина.
- Кузминская, Т. (б.д.). *Моя жизнь дома и в Ясной Поляне.* Извлечено 01.08.2021 от http://dugward.ru/library/tolstoy/kuzminskaya_moya.html#perv
- Мешкова, Н.Н., & Федорович, Е.Ю. (2007). Актуальные проблемы преподавания зоопсихологии и сравнительной психологии. *Вестник Московского университета, Психология. Серия 14 (№ 3), 109–113.*
- Мордвинов, А. (2014). *Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. Кучково поле.*
- Мохов, С. (2018). *Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия.* Common place.
- Никольская, А. (2012). *Экопсихологическая модель межвидового взаимодействия человека с домашними животными: дис. канд. психолог. наук.*
- Пикеринг Антонова, К. (2019). *Господа Чихачевы. Новое литературное обозрение.*
- Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово.* (2014). URSS.
- Романов, К. Р. (1998). *Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма.* Искусство.
- Сабашникова, М. (1993). *Зелёная змея. Энигма.*
- Сверчков Н.Е. *Портрет на фоне лошади.* (2017). изд-во Сабашниковых.
- Сухотина-Толстая, Т. (1987). *Дневник. Современник.*
- Тенишева, М. (2019). *Впечатления моей жизни: Воспоминания.* Захаров.
- Толстая, С. А. (2017). *Дневники. 1862–1910.* Захаров.
- Толстой, И. (1969). *Мои воспоминания.* Художественная литература.
- Тютчева, А. (2017). *При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник.* Захаров.
- Федор Иванович Шаляпин. (1957). *Искусство.*
- Юсупов, Ф. (1993). *Перед изгнанием, 1887-1919.* АО «Моск. центр искусств».

References

- Ayres, B. (Ed.). (2019). *Victorians and their animals. Beast on the leash.* Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429429002>
- Berger, J. (1991). *About looking.* Vintage.
- Davenport, E. (1862). *Live toys; or, Anecdotes of our four-legged and other pets.* Griffith and Farran.
- Fagan, B. (2015). *The intimate bond: how animals shaped human history.* Bloomsbury Press.
- Fudge, E. (2014). *Animal.* London: Reaction Books.
- McNeill, J. R., & Roe, A. (2013). *Global Environmental History: An Introductory Reader.* Routledge.

- Harvey, J. C. (2019). *The animal's companion: people and their pets, a 26,000-year love story*. Black Dog and Leventhal.
- Isenberg, A. C. (Ed.). (2014). *The Oxford Handbook of Environmental History*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195324907.001.0001>
- Majolier, N. (2018). *Step-Daughter of Imperial Russia*. Kindle edition.
- Serpell, J. (Ed.). (1996). *In the Company of Animals: a Study of Human-Animal Relationship*. Cambridge University Press.
- Bulgakov, A. & Bulgakov K. (2010). *Brothers. Bulgakovs: letters in 3 volumes*. Zakharov. (In Russian).
- Bashkirtseva, M. (2005). *Diary*. Zakharov. (In Russian).
- Bezrogov, V. (2019). *Childhood in European Autobiographies: From Antiquity to the Modern Age. Anthology*. Aletheia. (In Russian).
- Bezrogov, V. (ed.). (2012). *Proceedings of the International Academic Conference 'The History of Childhood as a Research Subject: The Legacy of P.Aries in Europe and Russia'*. RSUH. (In Russian).
- Veblen, T. (2016). *The Theory of the Leisure Class*. LIBRICOM (In Russian).
- Veterinary Feldsher. (1904). *Veterinary Feldsher*, 1. (In Russian).
- Vodovozova, E. (2018). *At the dawn of life*. Blagovest. (In Russian).
- Guillo, D. (2017). *Dogs and Humans*. NLO. (In Russian).
- Golitsyn, K. (1997). *Notes of Prince Kirill Nikolaevich Golitsyn*. Rossiiskoe Dvoryanskoe Sobranie. (In Russian).
- Golitsyna, I. (2005). *Memories of Russia (1900–1932)*. Airis-Press. (In Russian).
- Dostoevskaya, A. (1993). *Diary of 1867*. Nauka. (In Russian).
- Zhikharev, S. (1955). *Notes from a contemporary. Memories of the Old Theatre Man*. Publishing house of the USSR Academy of Sciences. (In Russian).
- Zakser, N. (2020). *Man in the animal*. HSE Publishing House. (In Russian).
- Kamenskaya, M. (1991). *Memories*. Hudozhestvennaya literatura.
- Kaplanova, S. (1979). *New about Kustodiev: Ways of creative search: Memoirs. Letters. Izobraz. iskusstvo*.
- Koptev, V.I. (1887). *Materials for the history of Russian horse breeding*. Typo-lit. V.V. Chicherina (In Russian).
- Kuzminskaya, T.A. (n.d.) *My life at home and in Yasnaya Polyana*. Retrieved 01.08.2021 from http://dugward.ru/library/tolstoy/kuzminskaya_moya.html#perv (In Russian).
- Meshkova, N., & Fedorovich, E. (2007). *Actual problems of teaching zoopsychology and comparative psychology*. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Psikhologiya*, issue 14 (№ 3), 109–113. (In Russian).
- Mordvinov, A. (2014). *From Experience. Memories of the aide-de-camp of Emperor Nicholas II. Kuchkovo pole*. (In Russian).
- Mokhov, S. (2018). *The birth and death of the funeral industry: from medieval pogosts to digital immortality*. Common place. (In Russian).
- Nikol'skaya, A.V. (2012). *Ecopsychological model of interspecific human interaction with pets*, Ph. D. Thesis. (In Russian).

- Pickering Antonova, K. (2019). *Gentlemen of the Chikhachevs*. NLO. (In Russian).
- Grandmother's tales: from the memories of five generations, recorded and collected by her grandson D. Blagovo*. (2014). URSS. (In Russian).
- Romanov, K. (1998). *Diaries. Memories. Poems. Letters*. Iskusstvo. (In Russian).
- Sabashnikova, M. (1993). *The Green Snake*. Enigma. (In Russian).
- Sverchkov N.E. *Portrait on the Background of a Horse*. (2017). Sabashnikov Publishers. (In Russian).
- Sukhotina-Tolstaya, T. (1987). *Diary*. Sovremennik. (In Russian).
- Tenisheva, M.K. (2019). *Impressions of my life: Memories*. Zakharov. (In Russian).
- Tolstaya, S. (2017). *Diaries (1862–1910)*. Zakharov. (In Russian).
- Tolstoy, I. (1969). *My memoirs*. Hudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Tyutcheva, A. (2017). *At the Court of the Two Emperors. Memories, diary*. Zakharov. (In Russian).
- Fyodor Ivanovich Chaliapin*. (1957). Isskustvo. (In Russian).
- Yusupov, F. (1993). *Before exile, 1887–1919*. Mosk. tsentr iskusstv. (In Russian).